

Кочетков В.В.

РУССКИЕ ЦЕННОСТИ И РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1993 ГОДА

Аннотация: В статье впервые в отечественной научной литературе рассматривается вопрос об аксиологии российской конституции в её взаимосвязи с русским правосознанием. Автор показывает, что конституционализм как определенная публично-правовая этика позволяет рационализировать фундаментальные русские ценности (волю и правду) таким образом, чтобы эти осевые ценности народного правосознания стали аксиологическими основаниями конституционного идеала частной и публичной автономии. Именно на этой основе в статье анализируются причины неудач конструирования концепций национальной идентичности в виде «русской идеи» в прошлом и современных «политических» интерпретаций российской Конституции 1993 года. Автор не согласен с теми, кто считает, что её идеалы противоречат народному правосознанию и что из этого необходимо следует постановка вопроса об её изменении. Напротив, противоречивая правоприменительная конституционная практика связана не столько с непоследовательной защитой Основ конституционного строя, закрепленных в Гл. 1 и 2 Конституции РФ в последующих главах текста Основного закона, сколько обусловлена этосом современной властвующей элиты и особенностями её правосознания, которые, по мнению автора, и являются главным препятствием на пути реализации идеалов российской Конституции 1993 года.

Abstract: The article for the first time in the Russian scientific literature analyzes the issue of axiology of the Russian Constitution and its correspondence with the Russian legal conscience. The author shows that constitutionalism as a type of defined legal ethics allows to rationalize the fundamental Russian values (freedom and truth) in such a way, that these key values of the legal conscience of the people become axiological bases for the constitutional ideals of public and private autonomies. Based on the above-mentioned concept the article provides analysis of the shortcomings of the concepts of the Russian national identity, such as the “Russian idea” in the past, and of the modern “political” interpretations of the Russian Constitution of 1993. The author disagrees with those considering the that the ideals of the Constitution contradict the national conscience and that it should be amended. It is quite on the opposite, the contradictory legal practice in the sphere of application of constitutional norms is related to the ethos of the modern ruling elite and specific features of its legal conscience, them being the main obstacle in the way of the implementation of the Russian Constitution, rather than the disparities in the protection of the Fundamentals of the constitutional order as enshrined in Chapters 1 and 2 of the Constitution of the Russian Federation and its further Chapters.

Ключевые слова: конституционализм, российская Конституция, свобода, справедливость, воля, правда, правосознание, властвующая элита, демократия, патриотизм

Keywords: constitutionalism, the Russian Constitution, freedom, justice, free will, truth, legal conscience, ruling elite, democracy, patriotism.

Двадцать лет назад в России была принята самая демократическая конституция в её истории. Путь, который мы за это время проделали от свободы, граничащей с анархией, до режима управляемой демократии, показывает, что успешность любой реформы государственного организма, а также вероятность её обратимости и её результаты, прежде всего, зависят от парадигмы (картины мира) её инициаторов, от ценностных ориентиров их правосознания. Все попытки мирной модернизации России, начиная с «эпохи

великих реформ» Александра II, были связаны с формированием неких новых правовых институтов, которые должны гарантировать свободу её гражданам. Однако анализ причин их непоследовательности и разочарывающих результатов показывает, что такой результат был предопределен исходными мировоззренческими установками властвующей российской элиты того времени. Аналогично обстоит дело и с принятой в 1993 году самой демократической Конституцией в истории России. Самый главный вопрос, который встает перед

исследователем в этой связи таков: почему эта цикличность конституционных реформ воспринимается как должное и простыми гражданами, и элитой? Разрешить эту загадку отечественной истории, по нашему мнению, без экспликации философско-аксиологических оснований конституционализма невозможно.

Прежде всего, определимся с понятиями. Некоторые зарубежные и отечественные ученые доказывают, что россиянам не нужна демократия. Мол, русский человек никогда не знал, что это такое в своей истории, и поэтому демократия не представляет для него никакой ценности. С этими взглядами солидарны и представители современной российской элиты. Ведь в противном случае им трудно обосновать свою монополию на власть. «Например, пользуясь своим преимуществом, администрация Путина заявляет о том, что российское общество – в силу давних традиций произвола власти, длительного существования в условиях самодержавия и советского тоталитаризма – отличается крайне низким уровнем гражданского самосознания, либеральные ценности разделяет лишь относительно небольшая часть населения и т.п. Из этого делается вывод, который следует из этой констатации, о том, что построение демократии и правового государства – это только «цель» политического развития, а не «средство» функционирования государства, и что демократия не может быть характеристикой реального функционирующего государственного устройства... Представляется, что в результате такой интерпретации русской истории действующее руководство страны автоматически превращается в «правление «незаменимых», «лучших» или, по крайней мере, «безальтернативных», гарантирующих стабильность положения в обществе, отсутствие кризисов и потрясений, недопущение к власти экстремистов и радикалов».¹

Как это ни странно, но с такими взглядами на русскую историю согласны даже некоторые оппоненты режима «управляемой демократии». Таких взглядов, например, придерживается известный политолог В.Б.Пастухов. Он считает, что культура народа определяет облик власти, так же как геном человека определяет его внешний вид. «Русский культурный код с очень большой натяжкой можно назвать европейским, еще меньше он похож на азиатский. Поэтому, как не накладывая на русское государство европейский грим, изпод него всегда будут выступать евразийские скулы».²

¹ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблемы «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 53.

² Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации: Двадцать лет, которые потрясли России. М.: ОГИ, 2012. С.7.

Исходя из этого, он считает, что в России необходима культурная революция, чтобы изменить основания власти. Причем «в силу традиционной слабости российского гражданского общества, никакой другой силы, которая могла бы инициировать и обеспечить эту культурную революцию, кроме государства, сегодня нет».³

На самом деле это вполне характерная особенность ментальности российской элиты на протяжении всей отечественной истории. Более того, для оправдания своего неограниченного господства ею была выработана концепция «национальной русской идеи». И если следовать пониманию русской идеи, предложенной И.А. Ильиным, как совокупности понятий, выражающих историческое своеобразие и особое призвание русского народа,⁴ то можно с уверенностью сказать, что в тысячелетней русской истории было три серьезных попытки сконструировать и реализовать концепцию «русской национальной идеи».⁵

Исторически первая концепция национальной русской идеи сопровождала становлению русского государства еще до начала эпохи Модерна. Начиная с середины XV века, московские князья все более настойчиво стали именоваться самодержцами (от греческого «*autokrates*», то есть суверена) и царями (адаптация латинского «*Caesar*»), что и получило формальное закрепление в 1547 году. До этого эти титулы использовались исключительно в отношении хана Золотой Орды и императора Священной Римской империи. Само их принятие уже предполагало всемирную миссию русского правителя. В течение последующего века правители стали претендовать на имперские полномочия на том основании, что они являлись единственными православными суверенами и, по существу, единственными подлинными христианскими правителями в мире. Русский народ сплачивался идеей противостояния враждебному окружению, и в силу этого самодержец наделялся неограниченной никакими (ни божественными, ни естественными) законами властью. Уже Ивану III принадлежит формула: «Государь не обязывается перед подданными

³ Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации: Двадцать лет, которые потрясли России. М.: ОГИ, 2012. С.8.

⁴ Ильин И.А. О русской идее// Русская идея. Сост. М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 437.

⁵ Сразу оговоримся, что мы будем иметь дело не с рафинированными и оторванными от действительности теориями некоторых русских мыслителей, а с теми концепциями, которые сплачивали российские элиты на определенном историческом этапе и приводили к определенным действиям по их реализации.

крестным целованием».⁶ Подданные русского царя в буквальном смысле слова были его рабами, с которыми он волен был обращаться по своему усмотрению. У них не было прав, только обязанности.

Русское духовенство решительно поддерживало эти притязания, так как, по православной доктрине, церковь не могла существовать без императора. Поэтому неслучайно то, что первая национальная русская идея была сформулирована в среде православного духовенства в ходе полемики между «нестяжателями» (яркие представители этого направления мысли – Нил Сорский и Максим Грек) и Иосифом Волоцким и его последователями. Именно среди иосифлян и появился лозунг «*Святой Руси*», которая, почему-то, находится в опасности и при этом легко может быть развращена под любым иностранным, в том числе и греческим, влиянием.⁷ Показательно, что иосифляне отвергали всякую логику и аргументацию. Так, один из них, монах Филофей, автор знаменитого тезиса, что *Москва есть третий Рим*, прямо предостерегал русских людей от излишнего «мудрствования».⁸ В результате «все классы нации, от высших до низших, исключая рабов, были прикреплены к государственной службе».⁹

Как известно, последовательная реализация этой первой русской национальной идеи привела к испытаниям Опричнины, затем Смутного времени, когда под вопросом стояла судьба русского этноса как такового, а также к полной экономической и технической отсталости России к концу XVII века и в результате к петровским реформам, проводимым насильственным способом. В ходе последних самодержавие создало себе новую институциональную и социальную базу в виде чиновничества (как правило, рекрутируемого из служилых дворян) и купцов-«предпринимателей», которые полностью зависели от потребностей казны и произвола царских бюрократов. При этом надо понимать, что для огромного большинства русских дворян того времени политика как некий институциональный способ реализации группового интереса не имела никакого значения, так как их материальные интересы защищались властью, и поэтому они были

согласны оставить политику в покое. Особенно это стало очевидным после выхода Манифеста о вольности дворянства (1762 г.), который гарантировал крепостное право дворян на землю и крестьян, а также освободил их от обязательной государственной службы. С этого момента русское дворянство как социальная сила стал утрачивать свои позиции и авторитет, а на первый план вышли бюрократы-государственники.

Поэтому не случайно то, что *вторая русская национальная идея* была сформулирована в среде чиновников. Как точно описал один исследователь дух той эпохи: «В правительственных сферах этого времени преобладали люди, которые никак не могли привыкнуть к тому, чтобы в обществе совершалось какое бы ни было умственное движение, самостоятельное, независимое и не имеющее ни малейшего официального характера. Они привыкли к тому, что все производилось мало того, что с разрешения начальства, но и самим начальством, и даже предприниматель, если он до того времени нигде не служил, делался чиновником на поприще самого исполнения своего предприятия».¹⁰

Другим важным фактором появления новой русской национальной идеи было то, что она появилась как ответ на иностранные «деструктивные» идеи, которые, по мнению императора Николая I, лежали в основе мятежа декабристов. С.С. Уваров, министр просвещения и главный идеолог николаевского правления, выдвинул доктрину «*официальной народности*», суть которой резюмировалась в триаде: *православие, самодержавие, народность*.¹¹ Он писал: «...Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе... надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная... Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, не согласится на утрату *православия*... *Самодержавие* составляет главное условие политического существования России. Русский колосс опирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее, сильное: *народность*».¹²

⁶ *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало, 2004. С. 118.

⁷ Послание Филофея, игумена Елизаровской пустыни, к Государю великому Василию Ивановичу всея Руси. Цит. по: *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М.: Индрик, 1998. С. 26.

⁸ *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. М.: Госполитиздат. 1947. С. 175.

⁹ *Вернадский В.Г.* Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 2004. С. 345.

¹⁰ *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700 – 1863 гг.). СПб.: Общественная польза, 1892. С. 41.

¹¹ Представляется, что эта триада сознательно была сформулирована как ответ на лозунг Великой Французской революции «свобода, равенство, братство».

¹² *Уваров С.А.* Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833 – 1843. // Уваров С.А. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 347-348.

Как и в случае идеи «Москва – третий Рим» никаких глубоких обоснований «официальной народности» в работах идеологов того времени мы не найдем. Есть и другое сходство: «русскость» и «народность» тесно связывается на онтологическом уровне с православной конфессиональностью и самодержавием (авторитаризмом власти).¹³ Иначе говоря, обе концепции предполагают, что конкретные явления русской жизни оказываются вполне в гегелевском духе проявлением определенных инвариантных идей русского бытия, которые эксплицируются исключительно правительственными чиновниками *ex officio*. Данные идеи стали не только идеологическим фасадом русской власти и обоснованием внешней политики, но и критерием патриотизма для русского общества.

Отличия же состояли в том, что доктрина «официальной народности» внедрялась с помощью множества бюрократических (через систему образования) и полицейских (цензура, преследование инакомыслия) мер. На первый взгляд, власти как будто преуспели в этом: Россия избежала революционных потрясений, поразивших Европу в 1830-1840-х годах. Это убедило сторонников данной концепции в своей вере в особый русский путь. Жесткость власти, не дававшей сформироваться гражданскому обществу, была спутана со стабильным развитием нации, основанным на доверии народа к элите и солидарности гражданского общества.

Не будет преувеличением сказать, что доктрина «официальной народности» определяла деятельность русской царской власти вплоть до её краха в 1917 году, который ознаменовался распадом Российской империи. Далее судьба России и её многонационального народа на долгих семьдесят лет оказалась в руках сторонников разрушения всех старых общественных и политических институтов, и построения нового справедливого общества согласно канонам коммунистической идеологии.

Что же произошло в этом случае? Где-то до середины 50-х годов XX века над умами советской элиты господствовала идея всемирной революции, и русский народ в этой связи рассматривался одновременно и как козёл отпущения, и как горячий материал этого глобального по-

жара. Однако с появлением оружия массового уничтожения стало очевидно, что в огне мировой революции могут сгинуть и идеологи данного процесса. Тогда был выдвинут тезис о «возможности мирного существования социализма и капитализма». И поскольку война стала невозможной и бессмысленной, постольку появилась необходимость обосновать те лишения в виде бытовой и материальной неустроенности, в виде политических репрессий и т.п., которые вынуждены были претерпевать советские граждане в ожидании всемирного торжества идей коммунизма.

Для этой цели из интеллектуальных запасников вновь была вытащена, правда, уже в обрамлении коммунистической идеологии идея об особой роли Советского Союза (России) в мире. Только теперь судьба нашей страны состояла в том, чтобы быть оплотом мировой социалистической системы, построить под руководством коммунистической партии впервые в истории коммунизм, а значит, и стать маяком для остального «незрелого» человечества. И за это счастье быть первым в космосе, в строительстве коммунизма, в области балета и в других сферах конкуренции с вечно загнивающим Западом¹⁴ советский человек должен был заплатить высокую цену – отказаться от права на какую-либо частную и публичную автономию. Банкротство Советского Союза и коммунистической партии в 1991 году подвело черту и под этой очередной национальной идеей.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что три самые известные попытки конструирования национальной русской идеи имели следующие архетипические черты. Во-первых, все они пытались осуществить предикацию достоинства личности через служение внешним для неё интересам. Во-вторых, право на частную и публичную автономию приносилось в жертву интересам тотальности (народа), оформленной в государство. В-третьих, интересы тотальности (народа) и государства отождествлялись на онтологическом уровне с интересами элиты и способом её властвования. В-четвертых, все конструкции национальной русской идеи отличались догматизмом и, как правило, на гносеологическом уровне вступали в противоречие с развитием гуманитарных и естественных наук своего времени. И в-пятых, все они служили, прежде всего, задачам легитимизации господства конкретных личностей в глазах мирового сообщества, а внутри страны, с учетом вышеуказанных архетипических черт, ставка,

¹³ Может быть, поэтому известный диссидент того времени П.Я. Чаадаев и считал, что для изменения русских порядков необходимо принятие нашей страной католицизма. Позже, в том же русле рассуждал, правда, с иных – екуменических – позиций, великий отечественный философ В.С. Соловьев, который и был автором понятия «русская идея». На рубеже XIX-XX веков неудовлетворенность официальным православием пронизала все классы российского общества, что приводило к богоискательству и богостроительству и среди элиты, и среди народа. Это, в свою очередь, подрывало легитимность самодержавия.

¹⁴ Противопоставление «загнивающего Запада» и «России молодой» также весьма характерно для ментальности российской элиты, что отразилось в стилистике всех трех рассматриваемых концепций русской идеи.

как правило, делалась насилие, осуществляемое в той или иной форме.

Представляется, что трагедии, к которым приводили на практике все вышеуказанные концепции национальной русской идеи, не случайны и не были связаны только с неблагоприятными внешними обстоятельствами, а также с плохими царями или генеральными секретарями. Самый главный их изъян, помимо вышеперечисленного, заключается в том, что *эти концепции национальной идеи не выражали базовые ценности русского народа – волю и правду*. А ведь без этого ценностного фундамента любая «национальная русская идея» становится фиговым листком, прикрывающим огромное корыстное Эго властвующей элиты. Конечно, история государства Российского не изобилует примерами успешного функционирования демократических институтов. Но делать на этой основе глобальный вывод обо всем строе народной жизни есть явная логическая ошибка, оправдывающая, кроме всего прочего, моральную деградацию современной российской элиты.

Если следовать этой логике, то получается, что, с одной стороны, государство полностью отождествляется с народом, хотя на самом деле логически и исторически это явления разного порядка. Государство есть всего лишь совокупность институтов и специальных людей, реализующие функцию управления общими делами народа на определенной территории. А народ в этой связи есть не что иное, как материальная и духовная основа государства. В мире есть народы без государства, но история не знает государств без народа. И поскольку государство есть управляющее начало, только оно и может оказывать разлагающее влияние на народ. Обратный процесс, когда народ разлагает государственные институты, истории не известен. Следовательно, если государство и её элита деградируют, то такая власть самореформироваться уже не может. И здесь необходима творческая, конституирующая новую государственность, энергия народа.

С другой стороны, история любого народа не есть реализация во времени и пространстве некой его неизменной сущности. Человеческий род тем и отличается от животного мира, что не только приспосабливается к окружающей среде, но и активно её изменяет в соответствии со своими потребностями, ценностями и уровнем знаний. Поэтому, из того, что русский человек в прошлом не знал, что такое демократия, никак не следует, что она ему не нужна.

На самом деле, если мы отойдем от таких поверхностных взглядов, и будем рассматривать эту проблему

с точки зрения фундаментальных русских ценностей – воли и правды, то мы получим совсем другие результаты. Воля и правда являются стряпней русской народной души, что четко зафиксировано во всех шедеврах великой русской литературы. Даже само становление и развитие России как евразийской империи было непредвиденным следствием стремления русского народа реализовать эти свои онтологические ценности. Как справедливо отметил еще Н.А. Бердяев, практически мирное территориальное расширение нашего государства до середины XVIII в. происходило вследствие бегства русского населения от произвола помещиков и царских чиновников в центр на окраины (новые земли) в поисках возможности жить на воле и по правде.¹⁵

Основная проблема в этом случае состоит в том, что понятия «воля» и «правда» являются очень многозначными в русском языке. Так, в словаре В.И. Даля, воля определяется и как свобода, простор в поступках, как отсутствие принуждения; и как неподвластность; и как власть или сила, право, хотение.¹⁶ Аналогично обстоит дело и с понятием «правда». В.И. Даль приводит следующие определения: «Правда – это истина на деле, истина в образе, во благо; правосудие, справедливость; праведность, законность, безгрешие».¹⁷ В данном случае мы имеем дело с синкретическим единством объективных и субъективных характеристик бытия человека. Иначе говоря, основная задача при выработке философии российской конституции заключается в том, чтобы преодолеть амбивалентность обыденного понимания базовых ценностей русского народа и осуществить их рационализацию, которая должна определять практику государственного строительства. При этом необходимо делать акцент на достоинстве российского гражданина и на любви к стране, где возможно жить в соответствии с фундаментальными русскими ценностями.

Представляется, что наиболее адекватной парадигмой для рационализации онтологических ценностей русского правосознания является конституционализм, который дает эффективную методологию реализации человеческого достоинства.

В широком смысле под *конституционализмом* понимается публично-правовая этика, а также реальная практика государственного строительства, которая считает возможным и необходимым строить на рацио-

¹⁵ Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Мысль, 1990. С. 66.

¹⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. Т. 1. М.: Русский язык, 1989. С. 238.

¹⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. Т. 3. М.: Русский язык, 1990. С. 378.

нальной основе систему государственного управления (взаимоотношений между гражданином и властью), а также между гражданами и между суверенными государствами. Эта доктрина исходит из признания равного достоинства за каждым свободно определяющимся (суверенным) субъектом социума (индивид, группа граждан, нация) или международного сообщества (государство). Данное признание достоинства реализуется через предикацию естественных и неотчуждаемых (гарантия свободы разума и воли в рамках правил поведения данного общества) прав (свободы делать/ не делать что-либо) гражданина (объединений граждан, наций, государств) при условии признания последним (последними) и честного следования всей совокупности рациональных правил общественной, государственной и межгосударственной жизни.

Говоря современным языком, достойная жизнь по-русски есть не что иное, как непротиворечивое сочетание свободы (воли) и справедливости (правды). При этом свобода понимается как частная и публичная автономия человека. Где частная автономия – это способность гражданина под свой страх и риск реализовать свой личный жизненный проект. А публичная автономия – это личная ответственность гражданина за реализацию русских ценностей в обществе в целом. Юридически пространство свободы защищено признанием со стороны государства неотъемлемых личных, гражданских, политических и социально-экономических прав человека, в качестве приоритета своей деятельности, что и зафиксировано в ст. 2 и в тексте главы II Конституции РФ.

Справедливость в этой связи может означать только одно – это все то, что способствует частной и публичной автономии граждан в российском государстве. Из этого также следует, что поиск справедливости бесконечен и нельзя любое исторически конкретное состояние общества рассматривать как идеал, и что только проведение справедливой политики оправдывает пребывание того или иного должностного лица у власти. Мировой опыт показывает, что наиболее целесообразное соединение в теории и на практике права на частную автономию с правом на публичную автономию достигается только в странах, где реализуется принципы конституционной демократии.

Как же тогда понимать демократию? Чтобы выявить её подлинный смысл, необходимо избавиться от заблуждений коммунистического прошлого и постсоветского настоящего. Ведь и коммунистическая партийная номенклатура, и демократ Б.Н.Ельцин, и государственный В.В.Путин пытались и пытаются

наполнить этот общечеловеческий идеал своим специфическим содержанием, оправдывающим их неограниченную власть. Суть их идеологических манипуляций можно выразить такими словами: «Демократия – это неограниченная власть демократов. Я – демократ. Следовательно, демократия – это моя неограниченная власть». Ведь трудно на самом деле считать демократией периодические выборы ничем и никем неограниченного президента. И уж точно не имеет ничего общего с идеалами демократии и философией российской Конституции рокировка президента и премьера между собой, их взаимное приемничество.

С точки зрения фундаментальных русских ценностей **демократия есть не что иное, как такая совокупность государственных институтов, которые способствуют реализации права граждан на частную и публичную автономию, а также набор определенных процедур приведения к власти таких государственных управленцев, которые способны к реализации справедливой политики.** Идеалы демократии исходят из того, что только российский народ, а не национальные лидеры, президенты или вожди, является основой, на которой держится наше государство. И именно поэтому только народ должен наделять властью любого руководителя.

Но как добиться того, чтобы воля народа не была искажена и извращена властью предержавшими? Конституционализм как картина мира *исходит из того, что пространство свободы возникает только вне сферы дискреции власти.* Для этой формы правового сознания контрадикторность оппозиции свободы и власти пронизывает всю систему и все уровни общественного разделения труда в любом типе социальности (семье, первичном трудовом коллективе, конфессиональном союзе, племени, современном государстве и т.д.). Именно поэтому власть необходимо ограничивать и разделять, так как этот общественный институт по своей внутренней логике тяготеет к всеобщности.

Прежде всего, надо четко понимать, что любая власть имеет тенденцию к самовозрастанию. Это связано с тем, что по своей сути власть есть не что иное, как всего лишь монополизация некоторым социальным субъектом определенной общественной функции, а именно функции рационального целеполагания, организации и контроля (т.е. управления), которые являются основными характеристиками общественного бытия. Иначе говоря, феномен власти возникает в общественном бытии как функция лидерства, но тяготеет он в силу своих структурных особенностей к господству. И чтобы этого не происходило, необходимо пространство

власти ограничивать, а саму власть разделять. История четко учит: чем больше власти, тем меньше территория свободы, и наоборот.¹⁸ Поэтому в современной России необходима система реального разделения власти на исполнительную, законодательную (представительскую) и судебную ветви, а также четкое разделение предметов ведения между федерацией и её субъектами.¹⁹

Задачам ограничения власти и создания ситуации, когда невозможно исказить волю народа служат основные конституционные демократические институты. Представляется, что подлинная воля народа может формироваться только в дискуссиях в рамках представительных (законодательных) органов. Именно там, а не в акте голосования, в том числе и под влиянием средств массовой информации, личных симпатий или антипатий, за партийные программы, которые, как правило, забываются сразу после выборов, должно происходить рациональное обсуждение ответов на вызовы, с которыми сталкивается государство. Поэтому выбирать надо достойных граждан из своей народной среды, а не из чиновников, которые служат начальству, а не своему народу.²⁰

Только достойные и честные народные депутаты, избранные на свободных выборах, а не по разнарядке, спущенной сверху, смогут сформулировать волю российского народа. К сожалению, в сегодняшней России парламент как институт законодательной власти не имеет никакого самостоятельного значения. Его роль, по существу, сведена к приданию силы закону произволу чиновников из министерств и ведомств. Даже

концепции и тексты законов рождаются в основном в недрах исполнительной власти, а депутаты только за них голосуют, что в корне противоречит принципу разделения властей. Очевидно, что такой парламент не может выражать чаяния российского народа.

Исполнительная власть в конституционном государстве должна быть подотчетной законодательному органу. Это достигается не только в процессе обсуждения и принятия бюджета один раз в год, а через инструменты парламентского расследования и вотума недоверия конкретному министру. Первый механизм позволяет народным представителям непосредственно и детально разбираться в проблемах государственного управления, игнорируя бюрократические барьеры, а последний позволяет точно влиять через возможную отставку конкретного министра на текущую политику правительства, игнорируя даже медийную популярность президента.

Кроме того, правительство должно не только формироваться, но и возглавляться президентом, который должен нести полную политическую и юридическую ответственность за его работу. Смена президента должна вести и к полной смене правительства. В российской Конституции эти механизмы отсутствуют, и президент всеми руководит и при этом ни за что не отвечает, а правительство при этом является якобы самостоятельной силой, хотя оно есть коллегиальный орган без индивидуальной ответственности министров. Очевидно, что в такой системе государственного управления главное не фактический результат работы того или иного руководителя, а верность своему патрону, то есть тому, кто его привел на эту должность.

Важную роль в реализации демократических идеалов играет независимый и честный суд, который должен осуществлять правосудие, а не только защищать «интересы» государства или тем более оправдывать неправомерные действия конкретных чиновников. Независимость суда, на самом деле, основана на личной независимости судьи, что может быть достигнуто только через всенародные выборы на эту должность, но никак не через назначение на должность судьи президентом. Высшие же судьи должны выбираться парламентом на альтернативной основе. Сейчас в нашей стране происходит как раз наоборот: все кандидаты на судейские должности проходят сквозь сито администрации президента с непрозрачными критериями отбора. Поэтому российские граждане и даже олигархи не верят в справедливый суд в родном государстве и часто правду ищут в Европейском суде по правам человека (первые) или в Высоком суде Лондона (вторые). И по-

¹⁸ Крайним выводом из этой теоретической посылки является анархизм, который призывает к полной ликвидации государства как организующего института народной жизни. Но, к сожалению, общество без институционализированного управления в виде органов публичной власти подвергается распаду. И связано это не только с уровнем сознательности отдельных граждан, но и с разделением труда, без которого невозможно многоцветие и развитие такой исторической сущности как народ.

¹⁹ Подробный анализ этого вопроса см.: *Кочетков В.В.* Модернизация российской политической системы: конституционный аспект.// *Федерализм.* 2010. № 1. С. 97-110.

²⁰ Именно поэтому В.В.Путин отменил выборы губернаторов и ввел формирование Госдумы по партийным спискам, в которые, как правило, входят так называемые «паровозы» – известные в медийном пространстве чиновники, не собирающиеся покидать своих должностей, и которые после выборов отказываются от своих мандатов в пользу никому не известных личностей. Теперь после массовых выступлений 2011/12 гг. планируют вернуть выборы в Госдуму по мажоритарным округам. Это приведет к росту числа спортсменов и деятелей культуры среди депутатов, ориентированных на обслуживание интересов элиты, что не повысит качество принимаемых законов.

нятно, почему так происходит. Ведь зависимый судья не может защитить право гражданина, неважно простого или олигарха, на частную и публичную автономию, то есть его право на свободу и справедливость.

Занятие основных государственных должностей на основе всенародных выборов и четкое ограничение сроков полномочий также являются важными инструментами ограничения власти чиновников в демократическом обществе. Всем известно, что даже маленькая власть сильно портит человека. Поэтому, чтобы избежать массовой моральной деградации значительной части народа, (а чиновников у нас на самом деле много!), необходимо ограничивать круг полномочий чиновника, сокращать срок занятия им должности, проводить ротацию чиновников по ведомствам и регионам. А периодические выборы высших чиновников должны им напоминать, что они идут на государственную службу для народа, а не чтобы властвовать над ним.

К сожалению, всего этого у нас нет, и поэтому мы имеем не только неэффективное управление общими делами русского народа и попрание его права на свободу и справедливость, но и полную моральную деградацию самой вертикали власти.²¹ Цинизм и коррумпированность властвующей элиты не случайны, они обратно пропорциональны демократичности государства Российского. Ведущие российские социологи подтверждают этот вывод данными своего исследования: «Для преобладающей части россиян сегодняшняя российская власть (данные опроса Левада-Центра в 2005 г.) – «коррумпированная» (62%), «чужая, далекая от народа» (42%), «бюрократичная» (39%), далее идут эпитеты «непоследовательная», «недальновидная», «слабая, беспомощная», с которыми согласились от 30 до 20% опрошенных».²²

Таким образом, очевидно, что конституционная демократия нужна российским гражданам как воздух. Без неё невозможно осуществление фундаментальных ценностей русского народа. Также понятно, что со-

временная властвующая элита извращает её смысл в своих корыстных целях, в результате чего мы имеем бесконтрольную власть, с одной стороны, и бесправных граждан, с другой. По меткому определению академика О.Е. Кутафина, такую политическую систему можно назвать мнимым конституционализмом. Данный термин обозначает такую теорию и практику конституционализма, которая «отличается неустойчивостью, возможностью обращения вспять, очевидной вероятностью перехода конституционных по происхождению и политической терминологии феноменов в свою противоположность – авторитаризм».²³

Однако при таком определении мы не можем понять, почему возможно такое извращение принципов конституционализма. Поэтому с юридической точки зрения, мнимый конституционализм можно определить как такую ситуацию, при которой в основных конституционных законах провозглашаются права и свободы граждан, и даже образуются основные конституционные органы государственной власти, но на самом деле права народа не обеспечены никакой реальной гарантией юридической их защиты, и тем самым, низведены до минимума. С политической точки зрения, лже-конституционализм есть не что иное, как попытка продлить властвующей элиты своё пребывание у власти, используя конституционные государственные формы и терминологию. Именно такое понимание природы режима «управляемой демократии» позволяет объяснить потрясающий цинизм и коррумпированность современной властвующей элиты.

Но как добиться реализации философии российской Конституции 1993 г. в государственной жизни? Как реализовать свое право на власть и на жизнь в соответствие с фундаментальными русскими ценностями бесправным гражданам? Добиться этого возможно только на пути модернизации российской политической системы на основе принципов, сформулированных в первой и второй главе российской Конституции, но последовательно не раскрытых в других главах, а также путем изменения способов и критериев инкорпорации в элиту.²⁴

Очевидно, **свобода и справедливость требуют не только ограниченного государства, но и подотчетной элиты.** Только это заставит власть работать в интересах

²¹ Как показывают последние социологические исследования, в российском массовом сознании за последние десять лет произошла своеобразная ценностная дегенерация, в результате которой пренебрежение элементарными моральными нормами воспринимается как прямой путь к успеху: «В обществе широко распространено ощущение несправедливости – так считают 75% опрошенных, а уверенных в том, что добиться успеха можно без нарушения принятых в обществе правил, всего 29%». // *Кувшинова О.* Граждане тормозят. // *Ведомости.* 07.02.2013.

²² *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А.* Проблемы «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 122-123.

²³ *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С.7.

²⁴ Чтобы эксплицировать философию российской Конституции и прорваться сквозь толщи лжи, надо все действия властей соизмерять с фундаментальными русскими ценностями. И тогда сразу станет понятно, способствуют ли они свободе и справедливости в нашей стране или нет.

народа. Ведь **подлинная сила государства заключается в создании условий для частной и публичной автономии своих граждан, а не в способности подавлять любые проявления гражданской спонтанности.** К сожалению, современное российское государство пошло еще дальше в своей моральной деградации – оно возвело произвол чиновников в ранг закона. Выхолостив политическую жизнь, высшая бюрократия получила возможность, прикрываясь формой законности творить произвол. Внешняя легальность (законность) и безнаказанность порождают цинизм и коррупцию, которые пронизывают снизу доверху всю вертикаль власти. Миф о сильном карающем государстве должен быть отброшен. Новое российское государство должно не подавлять своих граждан, а создавать условия для свободы и справедливости.

Честность – важное моральное качество новой российской элиты. Это означает, что институты свободы и справедливости не должны извращаться, лишаться своего смысла и ставиться на службу корыстным интересам. Правила свободы и справедливости созданы для всех, любое их изменение должно вести к расширению пространства частной и публичной автономии для каждого гражданина. Нельзя создавать преимущества для властвующей элиты, ибо её власть есть мандат народа на исполнение функции управления общими делами. **Власть в новом российском государстве должна быть функцией лидерства, а не господства.** Никто не имеет права господствовать над народом, но любой достойный может бороться за доверие народа, за право вести его к свободе и справедливости. ореол священности вокруг власти должен быть разрушен. Власть есть всего лишь одна из форм реализации права на публичную автономию гражданина и поэтому она должна быть ответственной и честной.

Новая российская элита в соответствии с традициями православия также должна быть лишена гордыни. **Смирение есть моральная основа ответственности.** Это не только способность к диалогу, хотя без равноправного участия в дискуссии невозможно достичь согласия по поводу базовых ценностей. Смирение – это не только и не столько готовность признать правоту другого. Это, прежде всего, способность соизмерять свои действия с высшими русскими ценностями – свободой и справедливостью. Для властвующей же элиты смирение есть не что иное, как готовность подчиниться выбору народа и освободить место у власти другим лидерам, на которых укажет народ. Именно гордыня, а это самый тяжелый грех с христианской точки зрения,

мешает современной российской власти прислушаться к голосу народа, заставляет нарушать действующую Конституцию и препятствовать установлению свободы и справедливости.

Патриотизм также должен стать ведущей ценностью новой российской элиты. С точки зрения свободы и справедливости, патриотизм есть любовь к отечеству, где реализуются или должны быть реализованы эти ценности. Но это никак не просто идиллическое чувство к русским странностям и, конечно, не слепая любовь к современной несправедливости, коррупции и безнравственности, которые нашли свое олицетворение во властвующей российской элите.

Патриотизм, исходя из нормативного образа будущей России, есть чувство личной ответственности за создание пространства для частной и публичной автономии для всех граждан нашей страны. Современная же российская элита подменяет патриотизм реализацией своих конкретных интересов внутри страны и за ее пределами. Никто из ее представителей не сможет объяснить, как их действия способствуют утверждению свободы и справедливости для российских граждан. По сути дела, современная элита через пропаганду чванства и шовинизма навязывают народу пассивный патриотизм как некритическое допущение правоты власти, но за этим скрывается всего лишь желание удержать свою власть.

Современное российское государство может существовать и успешно развиваться только как неразрывное единство территории, народа, солидарного по поводу фундаментальных национальных ценностей, а также властных институтов, их реализующих. Просто как некий способ организации власти на определенной территории при вымирающем народе Россия как государство выглядит несостоявшимся. И пассивно любить такое государство нельзя, его надо активно преобразовывать на основе свободы и справедливости.

Таким образом, современная российская элита делегитимизирует себя, прежде всего, тем, что её этос²⁵ полностью противоречит фундаментальным русским ценностям и публично-правовой этике конституционализма. При этом в силу своих имманентных характеристик она не способна осуществлять функцию рационального управления общими делами. Ведущие российские социологи на основе своих исследований

²⁵ В данной работе под этосом социальной группы или класса понимается совокупность ценностных установок, реализующихся в массовом поведении.

констатируют: «Представлений о модернизации как социокультурном процессе, о его составляющих, движущих силах и механизмах ... в сегодняшней российской элите нет. Идеи и программы системных, последовательных социально-политических реформ заблокированы у большинства представителей элиты идеологическими представлениями о приоритете и величии страны как «целого», и чаще всего «державного целого». Любые начала дифференциации, стоящие за ней претензии на автономию понимаются как прямая угроза – угроза самим правящим, целому России, величию державы».²⁶

В этой непростой ситуации экспликация философии российской конституции позволяет осуществить рационализацию фундаментальных русских ценностей – воли и правды, что будет способствовать распространению публично-правовой этики конституционализма, как среди граждан, так и среди властвующей элиты. Представляется, что только таким способом можно разорвать порочную цикличность российских конституционных реформ.

Библиография:

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Мысль, 1990
2. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблемы «элиты» в сегодняшней России: Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. М.: Русский язык, 1989-1991
4. Ильин И.А. О русской идее// Русская идея. Сост. М.А. Маслин. М.: Республика, 1992.
5. Конституция Российской Федерации. 1993 г.
6. Кочетков В.В. Модернизация российской политической системы: конституционный аспект// Федерализм. 2010. № 1. С. 97-110.
7. Кувшинова О. Граждане тормозят// Ведомости. 07.02.2013.
8. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008
9. Пастухов В.Б. Реставрация вместо реформации: Двадцать лет, которые потрясли России. М.: ОГИ, 2012

²⁶ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблемы «элиты» в сегодняшней России: Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 205.

10. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало, 200
11. Глигич-Золотарева М.В. «Увлечение общими местами» и ценностный компонент конституционализма // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 3. – С. 296-317. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_503.html
12. Хорина Г.П. Демократия в современной российской культуре: идеал и реальность // NB: Культуры и искусства.-2013.-4.-С. 1-15. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_6973.html
13. Овсянникова О.А., Кузнецова А.А. исторические и современные социально-политические основы российского патриотизма // NB: Международные отношения.-2013.-3.-С. 87-114. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_9083.html
14. Гуляихин В.Н. Правовой менталитет российских граждан // NB: Вопросы права и политики. – 2012. – 4. – С. 108-133. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.4.310. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_310.html

References (transliteration):

1. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii. M.: Mysl', 1990
2. Gudkov L.D., Dubin B.V., Levada Yu.A. Problemy «elity» v segodnyashnei Rossii: Razmyshleniya nad rezul'tatami sotsiologicheskogo issledovaniya. M.: Fond «Liberal'naya missiya», 2007.
3. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka v 4-kh tomakh. M.: Russkii yazyk, 1989-1991
4. Il'in I.A. O russkoi idee// Russkaya ideya. Sost. M.A. Maslin. M.: Respublika, 1992.
5. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii. 1993 g.
6. Kochetkov V.V. Modernizatsiya rossiiskoi politicheskoi sistemy: konstitutsionnyi aspekt// Federalizm. 2010. № 1. S. 97-110.
7. Kuvshinova O. Grazhdane tormozyat// Vedomosti. 07.02.2013.
8. Kutafin O.E. Rossiiskii konstitutsionalizm. M.: Norma, 2008
9. Pastukhov V.B. Restavratsiya vmesto reformatsii: Dvadsat' let, kotorye potryasli Rossii. M.: OGI, 2012
10. Sergeevich V.I. Lektsii i issledovaniya po drevnei istorii russkogo prava. M.: Zertsalo, 200
11. Gligich-Zolotareva M.V. «Uvlechenie obshchimi mestami» i tsennostnyi komponent konstitutsionalizma // NB: Problemy obshchestva i politiki. – 2013. – 3. – С. 296-317. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_503.html

-
12. Khorina G.P. Demokratiya v sovremennoi rossiiskoi kul'ture: ideal i real'nost' // NB: Kul'tury i iskusstva.-2013.-4.-С. 1-15. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_6973.html
 13. Ovsyannikova O.A., Kuznetsova A.A. istoricheskie i sovremennye sotsial'no-politicheskie osnovy rossiiskogo patriotizma // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya.-2013.-3.-С. 87-114. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_9083.html
 14. Gulyaikhin V.N. Pravovoi mentalitet rossiiskikh grazhdan // NB: Voprosy prava i politiki.-2012.-4.-С. 108-133. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.4.310. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_310.html